КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

о принятии к производству обращения
Саркеева Марлиса Кенешовича

23 ноября 2026 года город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Сейдахматовой В.М., руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании обращение Саркеева Марлиса Кенешовича.

Заслушав сообщение судьи Кыдыралиевой Б.А., исследовав ходатайство субъекта обращения и приложенные к нему материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

29 октября 2026 года в Конституционный суд Кыргызской Республики поступило ходатайство Саркеева М.К. о проверке соответствия положений статей 3, 5, 77 и 83 Закона Кыргызской Республики «О таможенном

регулировании», рассматриваемых во взаимосвязи с подпунктом 11 пункта 7 статьи 14 и статьей 457 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), а также части 5 статьи 1 и части 2 статьи 216 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (далее – ГК) в истолковании, придаваемом им правоприменительной практикой, частям 3 и 5 статьи 6, части 1 статьи 24, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции.

Поводом для обращения послужило рассмотрение судами Кыргызской Республики двух исков Псковской таможни Федеральной таможенной службы Российской Федерации к Саркееву М.К. о взыскании таможенных платежей и пеней.

Как следует из ходатайства, один из исков Псковской таможни был связан с временным ввозом на таможенную территорию Таможенного союза автомобиля «NISSAN PATROL» 28 июня 2013 года. Срок его вывоза истек 28 сентября того же года, однако факт невывоза был выявлен таможенным органом лишь 1 ноября 2024 года. После этого к Саркееву М.К. было предъявлено требование о взыскании 1 338 432 сомов. Первомайский районный суд города Бишкек решением от 26 февраля 2026 года отказал в удовлетворении иска, но Бишкекский городской суд отменил это решение и взыскал с него 669 216 сомов.

Аналогичные обстоятельства, как указывает заявитель, послужили основанием для предъявления иска в отношении автомобиля «LEXUS RX-300», временно ввезенного 6 ноября 2013 года. Срок его вывоза истек 6 марта 2014 года, а факт невывоза был установлен таможенным органом 1 октября 2024 года. Первомайский районный суд города Бишкек решением от 28 августа 2025 года отказал в удовлетворении и этого иска. Впоследствии Бишкекский городской суд 24 марта 2026 года отменил решение суда первой инстанции и взыскал с Саркеева М.К. 1 345 277 сомов 8 тыйынов.

Именно с этим различием заявитель связывает неопределенность в вопросе о временных пределах взыскания таможенных платежей. Он

полагает, что оспариваемые статьи 3, 5, 77 и 83 Закона Кыргызской Республики
«О таможенном регулировании» во взаимосвязи с подпунктом 11 пункта 7 статьи 14 и статьей 457 ТК ЕАЭС, а также часть 5 статьи 1 и часть 2 статьи 216 ГК в истолковании, придаваемом им правоприменительной практикой, допускают взыскание таких платежей с физического лица спустя значительный период после ввоза товара, не устанавливая эффективного предельного срока для предъявления требования.

Раскрывая, в чем, по его мнению, состоит такая интерпретация, субъект обращения указывает на оговорку части 5 статьи 1 ГК «если иное не предусмотрено законодательством». По его утверждению, она применяется как основание для исключения в отношении требований государственного органа не только правил гражданского законодательства об исковой давности, но и любых иных предельных сроков взыскания. В свою очередь, применение части 2 статьи 216 ГК, как полагает заявитель, связывает начало течения срока по требованию о взыскании таможенных платежей с моментом, когда таможенный орган выявил неуплату или составил расчет. Поскольку наступление этого момента зависит от действий самого взыскателя, соответственно, срок предъявления требования фактически оказывается в его усмотрении.

Развивая довод об отсутствии определенного срока взыскания, Саркеев М.К. указывает, что срок нахождения товара под таможенным контролем и срок, в течение которого может быть предъявлено требование о взыскании таможенных платежей, имеют различное значение. Нахождение товара под контролем определяет его таможенный статус и допустимость совершения с ним таможенных операций, но не устанавливает временных пределов взыскания возникшей задолженности.

В этой связи Саркеев М.К. ссылается на пункт 4 статьи 270 и подпункт 1 пункта 4 статьи 68 ТК ЕАЭС. Первое положение предусматривает

направление уведомления о неуплаченных суммах в порядке и сроки, установленные законодательством государств-членов, а второе исключает применение мер взыскания по истечении установленного национальным законодательством срока. Субъект обращения считает, что эти положения исходят из наличия установленного национальным законодательством срока взыскания. Поэтому продолжение таможенного контроля не может служить основанием для вывода об отсутствии такого срока и возможности взыскивать платежи без временного ограничения.

При таком понимании предельный срок взыскания не имеет объективно определимого начала и окончания, поскольку возможность предъявления требования фактически зависит от того, когда таможенный орган выявит нарушение. В результате лицо не может заранее определить, как долго сохраняется риск предъявления к нему имущественного требования. Именно в этом он усматривает несоответствие требованиям правовой определенности и стабильности правового положения лица, закрепленным частью 2 статьи 56 и частью 1 статьи 61 Конституции.

Дополнительно заявитель ссылается на части 2 и 4 статьи 23 Конституции, полагая, что сохранение угрозы взыскания без определенного временного предела несоразмерно ограничивает права лица и возлагает на него последствия бездействия государственного органа.

Кроме того, Саркеев М.К. также ссылается на часть 5 статьи 6 Конституции, запрещающую обратную силу закона или иного нормативного правового акта, устанавливающего новые обязанности или отягчающего ответственность. Он считает, что оспариваемое истолкование придает регулированию обратную силу, поскольку допускает взыскание платежей по требованиям, связанным с ввозом автомобилей в 2013–2014 годах, хотя факт их невывоза был выявлен таможенным органом лишь в 2024 году.

Практическое значение поставленного вопроса заявитель связывает со своим положением. Он сообщает, что право собственности на автомобили

прекращено и в настоящее время он их собственником не является. Вместе с тем предъявленные таможенным органом требования продолжают влечь для него обременяющие имущественные последствия.

Также, Саркеев М.К. считает, что оспариваемое регулирование не соответствует части 3 статьи 6 Конституции, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в установленном порядке, являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики.

Более того, в просительной части Саркеев М. К. просит оценить оспариваемые положения с точки зрения требований части 1 статьи 24 Конституции, закрепляющей обязанность Кыргызской Республики обеспечивать защиту прав и свобод лиц, находящихся на ее территории и под ее юрисдикцией, и запрет дискриминации.

Помимо проверки оспариваемых положений, Саркеев М.К. просит рассмотреть вопрос о включении представленных материалов, а также о привлечении его и его представителя Каракашевой С.Ж. к участию в соединённом производстве по ходатайству Мусаева И.Д. и запросу судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б., соединенным в одно производство определением Конституционного суда Кыргызской Республики от 23 сентября 2026 года.

Исследовав ходатайство и приложенные к нему материалы, Конституционный суд приходит к следующим выводам.

1. Обращение Саркеева М.К. затрагивает вопрос о том, каким образом при исполнении Кыргызской Республикой международных обязательств, принятых в рамках Евразийского экономического союза, обеспечивается соблюдение гарантий прав и свобод человека, закрепленных в Конституции Кыргызской Республики.

Исходное значение для рассмотрения этого вопроса имеет часть 3 статьи 6 Конституции, в силу которой общепризнанные принципы и нормы

международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, являются составной частью ее правовой системы. Тем самым сама Конституция определяет правовую основу участия Кыргызской Республики в межгосударственном сотрудничестве и применения выработанных государствами общих правил в отношениях, затрагивающих права и обязанности частных лиц.

2. В настоящем деле конституционно значимый вопрос связан с тем, какие нормы определяют правовые последствия обстоятельств, с которыми связывается возникновение обязанности по уплате таможенных платежей, и временные пределы ее последующего взыскания, если эти обстоятельства относятся к периоду прежнего таможенного регулирования, а требование предъявлено после изменения договорных и национальных правил.

Обстоятельства дела охватывают несколько временных этапов. Автомобили были временно ввезены, а сроки их вывоза истекли в 2013–2014 годах, при действии таможенного регулирования Таможенного союза. В последующий период Кыргызская Республика стала участницей ЕАЭС, вступил в силу ТК ЕАЭС, а позднее был принят новый Закон Кыргызской Республики «О таможенном регулировании». Факт невывоза автомобилей таможенный орган выявил в 2024 году, требования о взыскании предъявил позднее. Таким образом, обстоятельства, с которыми связывается возникновение обязанности, относятся к периоду прежнего таможенного регулирования, тогда как вопрос о взыскании разрешался после изменения договорных и национальных правил.

Практическое значение этого вопроса проявилось в различии судебных подходов. Суды первой инстанции отказали во взыскании, сославшись на истечение срока исковой давности, тогда как апелляционные суды связали возможность взыскания с выявлением таможенным органом факта невывоза. Это расхождение касается не только момента, с которого следует исчислять

срок, но и соотношения последующих правил ЕАЭС и национального законодательства с правовыми последствиями обстоятельств, возникших при прежнем таможенном регулировании.

В этой связи имеет значение часть 3 статьи 6 Конституции, согласно которой вступившие в силу международные договоры являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Право ЕАЭС устанавливает общие для государств-членов правила и по отдельным вопросам отсылает к национальному законодательству. Поэтому возникает вопрос, как эти правила соотносятся с нормами, применимыми к обстоятельствам периода Таможенного союза, и какие из них определяют временные пределы последующего взыскания.

Следовательно, конституционное сомнение касается того, позволяют ли нормы права ЕАЭС и национального законодательства во взаимосвязи определить правовые последствия каждого этапа и временные пределы взыскания. Различие судебных подходов показывает, что этот вопрос возник при разрешении конкретных дел и требует оценки по существу.

3. Отдельный временной аспект поставленного вопроса связан со статьями 3 и 5 Закона Кыргызской Республики «О таможенном регулировании» и переходными положениями статьи 457 ТК ЕАЭС. Статья 3 устанавливает общее правило о применении таможенного законодательства к отношениям, возникшим после его вступления в силу, и об отсутствии обратной силы, если иное не предусмотрено ТК ЕАЭС и главой 44 Закона. Статья 5 регулирует порядок определения начала и окончания сроков, установленных ТК ЕАЭС и Законом, но сама по себе не определяет, какое регулирование устанавливает основание обязанности или событие, с которого начинается срок взыскания.

Пункт 5 статьи 457 ТК ЕАЭС касается обязанности по уплате таможенных платежей в отношении временно ввезенных транспортных средств, которая возникла и подлежала исполнению до вступления Кодекса в

силу и оставалась неисполненной на эту дату. Переходное положение предусматривает прекращение обязанности в отношении соответствующих сумм при одновременном соблюдении установленных условий, в том числе своевременного таможенного декларирования транспортного средства для вывоза. Поэтому для оценки довода заявителя важно установить, относится ли эта норма к обстоятельствам дела и как предусмотренные ею условия соотносятся с материалами о каждом автомобиле.

Заявитель полагает, что применяемое судами толкование позволяет взыскивать платежи по требованиям, основанным на невывозе автомобилей до перехода к праву ЕАЭС, и связывать срок взыскания с более поздним обнаружением нарушения. В этой связи возникает вопрос, изменяет ли последующее регулирование правовые последствия обстоятельств, возникших при прежнем таможенном режиме, либо определяет лишь порядок последующего взыскания. Ответ на него имеет значение для проверки довода о части 5 статьи 6 Конституции, запрещающей обратную силу актов, устанавливающих новые обязанности или отягчающих ответственность. На данной стадии Конституционный суд не разрешает вопрос о возникновении или прекращении обязанности по каждому автомобилю, но отмечает необходимость оценить взаимосвязь общего правила действия законодательства во времени и специального переходного регулирования.

4. Временные пределы взыскания зависят также от содержания отсылок к национальному законодательству, предусмотренных ТК ЕАЭС. Подпункт 1 пункта 4 статьи 68 Кодекса связывает неприменение мер взыскания с истечением срока, установленного законодательством государства-члена, таможенный орган которого осуществляет взыскание. Пункт 4 статьи 270, в свою очередь, относит порядок и сроки направления уведомления о неуплаченных суммах к законодательству государств-членов. Эти положения регулируют разные вопросы: статья 68 — временной предел применения мер взыскания, статья 270 — направление уведомления.

В рассматриваемом деле требование Псковской таможни Федеральной таможенной службы Российской Федерации рассматривалось судами Кыргызской Республики. Апелляционные суды сослались на российское законодательство и сочли значимым момент выявления нарушения таможенным органом; суды первой инстанции исходили из применения национальных правил об исковой давности. Это расхождение ставит вопрос о пределах договорной отсылки статьи 68: охватывает ли она только продолжительность срока взыскания или также начало его течения и правила исчисления. При этом сроки направления уведомления, предусмотренные статьей 270, нельзя отождествлять со сроком предъявления требования в суде.

Именно содержание этих отсылок имеет значение для рассмотрения требования иностранного таможенного органа кыргызским судом. От ответа зависит, какие временные правила суд должен учитывать и может ли лицо определить срок, в пределах которого к нему может быть предъявлено требование. Предметом конституционной оценки является содержание и действие договорной отсылки в правовой системе Кыргызской Республики, а не конституционность российского законодательства как такового.

5. Заявитель также возражает против толкования, при котором продолжение таможенного контроля за товаром препятствует истечению срока взыскания. Подпункт 11 пункта 7 статьи 14 ТК ЕАЭС связывает прекращение таможенного контроля в предусмотренной им ситуации с уплатой или взысканием таможенных платежей за товары для личного пользования, ввезенные с освобождением от их уплаты. Эта норма определяет момент прекращения контроля за товаром, но не устанавливает, что срок взыскания приостанавливается или не истекает.

Статья 77 Закона «О таможенном регулировании» предусматривает, что срок взыскания таможенных платежей не должен превышать пяти лет с момента выпуска товаров. Статья 83 того же Закона устанавливает

шестилетний период неисполнения обязанности как одно из оснований признания задолженности безнадежной и ее списания. Эти положения имеют разное назначение: пятилетний срок ограничивает взыскание, а шестилетний период связан с признанием и списанием безнадежного долга. Статья 5 указанного Закона определяет порядок исчисления установленных сроков, но не устанавливает их продолжительность и начальное событие.

Заявитель усматривает сомнение в том, сохраняют ли эти нормы самостоятельное значение при применяемом судами толковании. Если продолжение таможенного контроля рассматривается как основание считать срок взыскания неистекшим, а прекращение контроля связывается с уплатой или взысканием, может возникнуть замкнутая зависимость: взыскание допускается до прекращения контроля, а контроль продолжается до взыскания. Этот довод требует оценки с учетом того, действительно ли такое толкование положено в основу судебных решений и как оно соотносится с установленными законом временными пределами. Кроме того, применимость именно кыргызских сроков к требованию российского таможенного органа нельзя считать заранее установленной без учета отсылки статьи 68 ТК ЕАЭС.

6. Самостоятельный аспект доводов заявителя связан с частью 5 статьи 1 и частью 2 статьи 216 ГК. Первая норма исключает применение гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, если иное не предусмотрено законодательством. Вторая связывает начало течения срока исковой давности с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Заявитель указывает, что оговорка части 5 статьи 1 ГК применяется судами как основание не применять к публичному требованию таможенного органа правила исковой давности. При этом, по его доводам, иные предельные сроки взыскания также не дают определимого временного предела требования. Если же суд применяет часть 2 статьи 216 ГК, заявитель

оспаривает связывание начала срока только с фактическим выявлением нарушения или составлением расчета таможенным органом, поскольку такой момент зависит от действий самого взыскателя.

Эти доводы ставят два связанных, но самостоятельных вопроса: исключает ли часть 5 статьи 1 ГК применение исковой давности к рассматриваемому требованию и, если правила статьи 216 ГК применяются, какое значение имеет не только фактическая осведомленность таможенного органа, но и момент, когда он должен был узнать о неуплате. Конституционный Суд не исходит из того, что исковая давность обязательно должна применяться к публичному требованию. Требует оценки определенность соотношения этих положений со специальными нормами таможенного законодательства и договорными отсылками ТК ЕАЭС.

7. В совокупности приведенные доводы касаются не только выбора одной из норм. Они ставят вопрос о том, можно ли определить, какое регулирование устанавливает правовые последствия невывоза, какой срок ограничивает взыскание, с какого события он исчисляется и влияет ли продолжение таможенного контроля на его истечение.

Если временные пределы взыскания не могут быть определены заранее, лицо не способно соотнести предъявленное к нему требование с установленным законом сроком и оценить, как долго сохраняется риск взыскания. Это придает доводам конституционное значение. Части 2 и 4 статьи 23 Конституции требуют, чтобы ограничения прав преследовали конституционно значимые цели и были соразмерными. Часть 2 статьи 56 запрещает принятие законов, отменяющих или умаляющих права человека, а часть 1 статьи 61 гарантирует каждому судебную защиту. Для настоящего дела важно, позволяет ли правовое регулирование лицу эффективно заявить в суде возражение об истечении срока взыскания.

Часть 1 статьи 24 Конституции обязывает Кыргызскую Республику обеспечивать защиту прав и свобод всех лиц, находящихся на ее территории

и под ее юрисдикцией, что имеет значение при рассмотрении кыргызскими судами требования иностранного таможенного органа. Самостоятельный вывод о дискриминации в настоящей мотивировке не формулируется, поскольку заявитель не указал группу лиц, с положением которой он сравнивает свое положение.

8. Конституционный суд учитывает, что поставленная Саркеевым М.К. проблема связана с предметом дела по обращению Мусаева И.Д. и дела по запросу судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б. Определением судьи-докладчика Конституционного суда от 23 сентября 2026 года указанные дела были соединены в одно конституционное судопроизводство ввиду однородности содержащихся в них требований. Эти обращения затрагивают взаимосвязанные аспекты определения временных пределов взыскания таможенных платежей в ситуации, когда факт невывоза временно ввезённого транспортного средства выявляется таможенным органом спустя значительное время после истечения срока его вывоза.

Наличие ранее принятого к производству дела по связанному конституционно-правовому вопросу не исключает принятия к производству самостоятельного обращения другого лица. Саркеев М.К. ссылается на применение к нему оспариваемого регулирования и приводит обстоятельства судебных разбирательств, в которых требования о взыскании таможенных платежей и пеней предъявлены непосредственно к нему. Эти обстоятельства и приведенные им доводы могут иметь значение для рассмотрения общей конституционно-правовой проблемы.

Саркеев М.К. также просит рассмотреть вопрос о включении представленных им материалов и о привлечении его и его представителя Каракашевой С.Ж. к участию в указанном соединенном производстве. Принятие его обращения к производству означает, что он является обращающейся стороной по настоящему делу и вправе вести его через представителя при подтверждении полномочий. Вместе с тем принятие

обращения не означает соединения настоящего дела с ранее соединенным производством и не предрешает разрешение просьб заявителя о включении материалов и его участии в этом производстве. Вопрос о соединении связанных требований разрешается судьей-докладчиком при подготовке дела к рассмотрению в соответствии со статьей 32 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики». Просьбы о включении материалов и участии подлежат разрешению в установленном процессуальном порядке.

На основании изложенного, руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Принять к производству ходатайство Саркеева Марлиса Кенешовича о проверке соответствия положений статей 3, 5, 77 и 83 Закона Кыргызской Республики «О таможенном регулировании», рассматриваемых во взаимосвязи с подпунктом 11 пункта 7 статьи 14 и статьей 457 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а также части 5 статьи 1 и части 2 статьи 216 Гражданского кодекса Кыргызской Республики в истолковании, придаваемом им правоприменительной практикой, частям 3 и 5 статьи 6, части 1 статьи 24, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Настоящее определение является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ